

ТАЙНА ШЕРСТЯНОГО НОСКА

ЛЕТО

ВАСИЛИСА САБАШНИКОВА

ТАЙНА
ШЕРСТЯНОГО
НОСКА

ЛЕТО

Литературный редактор: Татьяна Шахматенко
Иллюстрации и обложка: Виктория Хутковская

<https://www.kuku-selfpublishing-project.com>

Сабашникова В.

С 12 Тайна шерстяного носка. Лето : сказка / Василиса Сабашникова. — Германия : Изд-во Куку!, 2024. — 208 с.

Четверо десятилетних друзей отправляются в летнее приключение по таёжной реке, где их ожидают увлекательные знакомства с волшебными обитателями. Однако ребятам предстоит столкнуться с серьезными испытаниями и неожиданными препятствиями. Дружба, смелость и доброе сердце снова становятся ключом к преодолению любых преград.

© Василиса Сабашникова, 2024, текст
© Виктория Хутковская, 2024, дизайн обложки, иллюстрации

*Посвящаю Даниле Классену, неизменному гостю птицы Алькуон,
ради которого и была затеяна вся эта словесная катавасия.*

*Извини, до дракона так и не дошло, но он там есть,
если хорошо поискать...*

Содержание

1. На болоте	7
2. Разлив	23
3. Лялина усадьба	34
4. Встреча в аэропорту.....	51
5. Неожиданности	58
6. Мосты сожжены.....	67
7. Прибежище	77
8. В гости!	83
9. Авоси.....	94
10. Водяной.....	101
11. Сплав.....	106
12. Жесетуки	111
13. Бродница	121
14. Балахоны.....	128
15. Птица Сирин.....	133
16. Ушкуйники.....	141
17. В Ямогоре	149
18. В Холмогоре.....	153
19. Плакун-трава.....	159
20. Не может быть!	161
21. Подготовка в Холмогоре	165
22. В тюрьме.....	168
23. Лекарство.....	172
24. Огонь и вода	176

ТАЙНА ШЕРСТЯНОГО НОСКА. ЛЕТО

25. Спасение	181
26. Помощь Хранителей.....	186
27. Передача	190
28. Добро нельзя дать насильно	193
29. В гостях.....	201

1. На болоте

К концу зимы слухи о «собаке Маугли» разрослись как снежный ком. После очередного рассказа о лае на Токовом болоте Иванка решил, что пойдет на поиски один, не дожидаясь друзей.

Им, Дениске и Даше, хорошо, вдалеке ждать, а ему здесь — одному?

Конечно, рассказать им Иванка мог. Раз в неделю, по субботам, в общем зале Щера выдавали мобильники, компьютеры, планшеты, и вечер объявлялся «свободным плаванием в интернете». Можно было играть, смотреть видики, переписываться и делать «ваще все, что хошь». Дениска, Даша и Иванка часто встречались в онлайн-игре.

«Как Иванка прижился? Как ему нравится? Что он делает?» — летели вопросы издалека. Иванка писал в ответ: «Супер! Просто улет!»

— На математике мы рассчитываем настоящую водяную мельницу! И сами её строить будем, как снег немного сойдет. На Дальнем Ручье!

— Здорово! А я сижу над бумажками! А я ни вельесика не понимаю, для чего это вообще все нужно! — жаловался Дениска. — Какие-то формулы — учишь, учишь наизусть, потом написал на скорость — и забыл! Эх, здорово там у тебя!

— Здорово, вообще! И спать есть где, и кормят все время, не хуже, чем Иффет на шабаше! Очень вкусно!

— Привык?

— Привык! К хорошему быстро привыкаешь!

Только об одном Иванка не говорил — о тоске. Боялся, что его не поймут даже лучшие друзья.

Кому он нужен, сирота? Одиночество вьелось в Иванку, как клещ. Родителей он помнил смутно. Бабушка Клава, с которой он жил, умерла

больше года назад. Ее теплые руки и ласковый голос уже слегка выцвели из памяти. В живых оставался только пес Роська. Целый год Иванка скитался по чужим людям, приютам, детским комнатам, уличным пристанищам и выжил, как он сам думал только потому, что знал — где-то его ждет родная душа.

Вот встреча у них была зимой, — так встреча! Но потом снова пришлось расстаться... И вот уже четыре месяца, как они не виделись.

А тут вся округа заговорила о лесной собаке! Следы тут! Следы там! Мартовское солнце подтапливало сугробы, за ночь они покрывались ледяной корочкой, а по утрам, по свежему снежку, охотники явно видели собачьи следы рядом с волчьими.

Даже сторож Пахомыч видел их не раз.

— Как же эти следы различаются? — спросил его как-то Иванка, когда сторож пришёл в школу с улицы погреться.

Пахомыч был крижистый, сильный старик, охотно пускавшийся в любые разговоры. Своим благодушием и глубокими морщинами на лице он напоминал Иванке лесное чудо — Ауку. Только уши у сторожа были привычного, человеческого размера, и помещались под шапку.

Пахомыч сел на скамью, отпыхиваясь и распространяя вокруг морозный дух. Затем протиснулся прямо в тулупе между бревенчатой стенкой и столом, долго возился, раздеваясь. Налил себе в блюдечко кипятку с чайниками. Большой рыжий кот по имени Васька тут же расположился рядом с ним на скамье. Щуря зеленые глаза, он зевал розовой пастью и потягивался, словно спросонья, показывая острые когти.

У Иванки как раз было свободное время. Занятия закончились, до ужина было далеко.

В просторном, темном, натопленном коридоре было тихо. Из дальних комнат гудело, изредка хлопали двери.

Иванка, запахнувшись в темную шерстяную кофту поверх рабочей зелёной робы, присел на краешек табурета.

Он очень изменился за последние четыре месяца. Лицо его просветлело, плечи расправились, та унылость во взгляде, которая поразила Дениску зимой, совсем ушла.

Пахомыч громко прихлопнул чай из блюдца, хрустнул сушкой и протянул одну Иванке. Тот взял и хрустнул тоже.

1. На болоте

— Как следы различить? Дык, это кажанный поймет — волчьи, они большие! Вот такенны! — Пахомыч широко развёл руками: — Это волк! И вот так — комочком... — он собрал пальцы горсточкой и потряс рукой перед Иванкиным носом.

— А вот така маненька растопырка, — тут Пахомыч развел пальцы веером, — энто собакины. Сёдня снова видел.

— Так, может, это просто маленький волчонок? — настаивал Иванка, вгрызаясь в сушку. Его сердце замирало от счастья. Он пригнулся к столу, чтобы скрыть улыбку.

— Ух, милоч! А лает-то кто? Волки, ведь, они только воют! — ответил Пахомыч. Затем пытливо посмотрел на Иванку:

— А ты чего в сотый раз меня об том спрашиваешь? Охотником, чай, хочешь стать? Сначала вырасти! Ходить туда нельзя! Не придумай чиво! Вона, Макар с Кладовки пробовал узнать, откудава следы, и пошёл в чашу! А потом рассказывал, там, мол, такие следы есть, что страсть одна! Огромные, от чудища!

— От лешего?

— Дык, чай его знает, может, и от лешего...

— Трехпалые? — осторожно спросил Иванка.

— Да! — кивнул Пахомыч. — А ты откудава знаешь? Слышал уже? — удивился сторож.

— Это точно леший! Я знаю! — уверенно сказал Иванка.

— Все ты знаешь, дока! — ответил Пахомыч насмешливо и продолжил, понизив голос: — А можа, это разбойники ходят, клад свой ищут? У них свои следы имеются...

Иванкины глаза заблестели. Пахомыч был доволен. Сторожа распирало от гордости — никто лучше него не знал все предания о разбойниках. Он громко вздохнул, распахнул жилетку на меху, подлил себе кипятка и благодушно развалился на скамейке.

— Бери, сушки-то, налегай! Звали их раньше не разбойники. Звали их уш-куй-ники, — по слогам растянул слово Пахомыч. — То есть пираты! На воде они грабили, по речкам туда-сюда сновали. Уже два двести лет прошло, Ляли нет, а кажанный год по весне здесь кто-то шарахается. Это призраки, место ищут, где клад спрятали, — продолжал Пахомыч.

— А найдут, выроют?

ТАЙНА ШЕРСТЯНОГО НОСКА. ЛЕТО

— Ну, разве они смогут — засмеялся Пахомыч. — Земля, чай, ещё каменная! А потом, без разрыв-травы ни одного клада не достать, то ж всем ясно! Им бы место найти, а потом летом и сокровище добывать придут.

Иванке не было дела до призраков разбойников, живших здесь в незапамятные времена, ни до их сокровищ. Он не верил ни в какие призраки. Уж кого он только не повидал в жизни — и милиционеров, и бандитов, и домовых, и кикимор, и леших, и даже банника, но человеческих призраков не видал. Иванка сидел и слушал рассказ про клад только потому, что он хотел услышать про собаку-маугли ещё и ещё раз! Он не сомневался — это был, конечно же, Роська, а вместе с ним молодой волк, Приблудыш! И Петруня, значит, тоже недалеко. Его же следы трехпалые! Но чтобы просто поддержать разговор, Иванка спросил:

— Почему же ушкуйники в лесу ходят, если они речные пираты?

— Почему-почему! А где им клад-то свой прятать? — спросил Пахомыч, прищурясь. — В Кладовке болтают, что, мол, в озеро скинули, а это все ерунда на постном масле! Чай, Ляля был не такой дурак, чтобы свое добро в воду спустить!

На рассказ о Ляле слетелись ещё «новички», так называли ребят, живших в Щере меньше года. Кто-то сел на лавку рядом со сторожем, кто-то встал у стенки. Мисочка с сушками моментально опустела.

Казалось бы, что необычного в рассказах о беспощадных и хладнокровных разбойниках? Весь интернет кишел страшными историями, одна ужаснее другой. Но там разбойники были придуманные, да и где-то далеко, в других краях или странах.

А Ляля был здесь, непридуманный, прямо под боком, на реке, за бревенчатыми стенами школы! Хоть и жил он давным-давно, но пиратская банда в сто или двести голов казалась реальной. Пахомыч рассказывал о них так, будто сам их знал лично, а с Лялей виделся только позавчера: «Вооруженные они до зубов! Силачи, богатыри, ловкие и бесстрашные!» Голос Пахомыча при этом наполнялся торжественностью. Он словно гордился силой и неустрашимостью разбойников, подло нападавших ночью на безоружных людей, чтобы отнять их еду и вещи, и хуже того — убить.

— Поссорился как-то Ляля со своим братом Хлыном — из-за добычи, понятно, и стали они драться. Оба они были роста небольшого, и оба как медведи сильные! Ляля брата ножом ударил и так сильно поранил, что тот

едва ноги уволок. Ушёл Хлын со своими людьми вниз по реке и там городишко Хлынов построил. Он и сейчас там стоит, над старицей. Река уже русло поменяла, а хлыновцы все там и живут, то есть ихнии потомки. У них там самые правильные порядки — на улице не ругаются, не плюются, мусор не кидают, а всех, кто ни зайдет, привечают. Больных и раненых у себя оставляют, задарма кормят и лечат. Все в память о раненном Хлыне. Травники у них хорошие да костоправы!

— А Ляля?

— А Ляля грабить перестал. Тошно ему от той жизни стало. В лесу усадьбу себе и своим ушкуйникам отгрохал. Огромную! Не хуже замка княжеского! С башнями с двух сторон. С тайными входами. С павильоном во дворе. Говорят, это было место самое нехорошее — Голубой Павильон. Кто туда заходил, больше не возвращался... Там, — я знаю точно! — и клад лежит.

Пахомыч понизил голос до шёпота.

— А охраняют его разбойники с железными ногтями!

Ребята замерли и уставились, не мигая, в темное окно напротив, словно пытаясь разглядеть в морозных узорах высокую меховую шапку разбойника Ляли, усыпанную драгоценными камнями.

— А где теперь его усадьба? — спросил тоненьким голоском самый младший — Семён. Пахомыч положил ему руку на плечо:

— Дык, кто ж его, милоч знает? Никто не знает. Рассказывали, что инда какой хлыновец в лесу на неё и набредал, но потом дорогу напрочь забывал, и как ни старался, вывести на усадьбу уже не мог. Мы, кладовские, вообще ни разочку на неё не выходили. Рассказывают, что заклятие на той усадьбе есть. Чай не один, а несколько леших вокруг неё обводят...

— Да, лешие это могут! — поддакнул Иванка. Он открыл рот, чтобы ещё спросить про собаку, но тут раздался звонок на ужин, и ребята разом сорвались с места в столовую. За ними ленивым поскаком побегал рыжий, до того пушистый кот, что казалось, что это меховой шарик катится по коридору.

Так, за учебой и вечерними посиделками, прошли зимние месяцы. Река освободилась ото льда. Снег сошёл. Парная черная земля на пригорках быстро подсохла и покрылась редкой травяной щёткой.

Теплый ветерок задул в распахнутые окна.

Щеровцы просыпались с каждым днем все раньше и раньше. Иванка, замирая всем телом, уже в полшестого утра брызгался с мальчишками в умывальной комнате.

Зимняя спячка ушла, и утренняя пробежка до Кладовки уже никого не пугала.

И вот наступило десятое мая.

Маленькую мельницу, которую «новички» всю зиму рассчитывали, а потом весь апрель сооружали на Дальнем Ручье, все-таки снесло талой водой.

— Ничего, ничего, все в прок! Посмотрим, где просчитались, — сказал учитель математики и загнал расстроенных ребят в класс проверять расчеты. Но строить было куда интересней, чем сидеть над бумажками и выискивать ошибки. Иванку тут же унесло в мыслях к Роське.

Вечером он пошёл спать совсем расстроенный.

В комнатах, которые инженер Иван Палыч — учитель математики, геометрии и чертежа, называл странным словом «дортуары», выключили свет.

Старый бревенчатый хутор затих, из коридора слышались мерные шаги да скрип старых деревянных перекладин.

Республика Щер засыпала мгновенно. День воспитанников начинался до рассвета, а к десяти вечера в залах, коридорах, учебных комнатах и мастерских воцарялась мертвая тишина.

Только в небольшом кабинете с кактусом часто за полночь горел свет. Заведующий Семён Антонович работал. Последнее время к нему все чаще кто-то приходил ночью с черного хода и так же тайно уходил. Никто не знал, что это за посетители, никто их в лицо не видел, но шептались, что это были люди из Хлынова.

Иванка накрылся одеялом с головой.

От жалости к себе у него щипало в носу.

Перед глазами стоял Роська.

Мысли вертелись в голове: «У Дениски — и мама, и папа под боком, да ещё домовенок Щип! А у Даши — и родители, и няни, и домовых, наверняка, штук сто! На каждый дом по домовому, а в замке ещё и какой-нибудь замковый... А у меня? Ни родителей, ни бабы Клавы, а домовый такой

1. На болоте

вредный, что лучше о нем побыстрее забыть...» О Шемяке Иванка старался даже не вспоминать. Такого ворчливого невыносимого домового ему не надо: пусть навсегда остается в лесу!

Каждому нужна родная душа, близкий человек или существо, которое принимает тебя таким, какой ты есть. С кем не надо притворяться, не надо стараться быть лучше, воспитаннее, красивее, а можно дурачиться, плакать, кричать или бешено радоваться, прыгать, кидаться подушками или бегать наперегонки. Или же просто сидеть молча бок об бок.

А что, если найти и взять Роську в Республику Щер? Тогда бы они виделись каждый день! Но Иванка тут же отmel эту мысль — Роська стал бы дворовым псом и сидел бы на цепи, как остальные сторожевые собаки. Спал бы в загоне. Нет, такой участи для своего старого друга Иванка не хотел.

Где он, как он там, в лесу? Какие его поджидают опасности? Не голодает ли он?

В голове всплыл рассказ лесника из Кладовки: «Видать, волки собаку за свою приняли! Вона — бок о бок ходят. Да похоже по следам, что собака хромя! За болотом лает. И ещё её на реке слышали, на том берегу, в лугах, где в прошлый паводок небесный барашек жил. Которого потом ещё водяной слоपाल».

«Зимой лешие, а летом водяной! Вот, напасть! И почему он хромяет? Нет, надо его искать» — засыпая, решил Иванка.

Всю неделю он готовился к поискам, откладывая остатки еды после ужина. К воскресенью было все готово. Иванка проснулся на рассвете, с петухами, бесшумно вынырнул из-под одеяла, накинул на спину приготовленный рюкзак с лакомством, взял сапоги в руки, и, крадучись, на цыпочках, вышел из «дортюара». Дня на поиски должно было хватить.

Пахомыча за столом не было. Прокравшись по длинному коридору, Иванка просочился в щель скрипучей входной двери на улицу и поёжилась от свежего ветерка: «Эх, как мёрзко!» Май, словно неваляшка, качался на тонкой грани между зимой и летом: ночью было студено, а днем жара растекалась по низовьям, как горячий вишневый кисель по мороженому.

Иванка натянул резиновые сапоги и пошёл через двор. Там ещё лежали остатки почерневших ноздреватых сугробов. На горизонте подрумянивалось нежно-голубое небо, обещая прекрасный солнечный денек. У забора Иванка нащупал спрятанный им заранее длинный шест — слегу.

Кругом не было ни души. Только с большой ветки берёзы напротив на Иванку внимательно смотрела черная лоснящаяся галка. Осторожно, чтобы не скрипеть, Иванка открыл калитку, нырнул в нее, плотно прикрыл за собой. Вокруг него заливались трелями птицы, предвкушая отличную мошкариную охоту.

— Свобода!

Развернувшись, он шагнул по дорожке к лесу.

— На болото одному нельзя! — негромко прозвучал вдруг мальчишеский голос за его спиной.

Иванка встал как вкопанный. Не оборачиваясь, он сразу понял, кто это. Такой ясный, спокойный, с металлической ноткой, голос он слышал только у одного человека — у Найденыша.

«Хворст бы его побрал! Откуда он взялся? В такую рань! И откуда он вообще-то знает, что я собрался на болото?» — мигом пролетело у Иванки в голове.

— А тебе что? — развернулся Иванка и брякнул: — Я на рыбалку, — и тут же покраснел, вспомнив бабушку Клаву, наказывающую никогда не обманывать. Но что делать? От Найденыша надо было избавляться во что бы то ни стало! Уж очень непонятный был этот тип — неразговорчивый, необщительный, сам себе на уме — никогда не поймешь, что у него в голове варится. Иванка опустил рюкзак себе на сапог.

Найденыш спокойно смотрел на него, прислонившись к забору. Во рту он держал соломинку, и сам был как соломинка — небольшого роста, худой, гибкий, лёгкий. Этот «новичок» был невероятно быстрый — на спортивных состязаниях его никто не мог догнать, даже старшеклассники. На лыжах он ездил так, что казалось, будто он в них родился. У него были обычные, чуть вьющиеся, русые волосы, и светло-серые невозмутимые глаза. Найденыш появился в Республике Щер до Иванки. Его привез рыбак из Холмогор, который нашёл его — поверить трудно! — в снегу, спящим в саях! След от саней был свежий и уходил на самую большую гору. Рассказывали, Найденыш был закутан, словно мумия, в несколько

старых одеял и привязан крепко-накрепко какими-то древними лыковыми веревками. Когда он проснулся, то не мог сказать, откуда он а, может, и не хотел. Тогда его решили показать Семёну Антоновичу. Рассказывали, что за первое время Найденыш не произнёс ни одного слова, а все необходимое показывал знаками. Когда его спросили, хочет ли он остаться в Щер, он просто кивнул.

Первое время Найденыш ни в чем не участвовал, а просто везде присутствовал: ходил за всеми, смотрел, кто что делает. Его определили жить в спальню для новичков и думали уже, что он немой. Но, когда появился Иванка, Найденыш как-то неожиданно подошёл к нему и сказал совершенно нормальным голосом: «Привет. Я Марек».

Новость, что Найденыш заговорил и у него есть имя, разнеслась по Республике как сенсация. Все поудивлялись, но отстали с расспросами быстро. Марек говорил только тогда, когда хотел, а хотел он очень редко. На вопросы он не отвечал, а просто равнодушно проходил мимо любопытных. Поначалу это казалось странным — его спрашивают, к нему обращаются, а ему хоть бы хны... Уговорить или заставить его делать то, чего он не хотел, было невозможно.

Он никогда не улыбался. На его лице никто никогда не видел ни одобрения, ни осуждения. При этом он помогал при общей работе, на него можно было всегда положиться, а после драки с Кладовскими, где он вступился за самого маленького, Семёна, несмотря на то что сам был на голову меньше деревенских, его зауважали. Слов на ветер не бросает — это было про него...

— На рыбалку ходят со спиннингом, а ты слегу взял, — обстоятельно ответил Найденыш и добавил: — Одному ходить нельзя — провалишься и тютю! Тот, кого ты там ищешь, тебя не спасет.

— А ты откуда знаешь, что я кого-то ишу? — насторожился Иванка.

— Знаю, — ответил Найденыш.

Иванка напрягся. Откуда Найденышу знать про Роську? А, может, он ещё и про других знает? Нет, этого быть не может... Иванка потряхнул головой, хотя... У Марека была одна вещь, которой он очень дорожил, может, и он знает их — Иванкин, Денискин и Дашин — секрет?

— Ты собаку ищешь? — сказал Найденыш.

— Собаку, — кивнул Иванка.

ТАЙНА ШЕРСТЯНОГО НОСКА. ЛЕТО

— Я это давно понял. Недавно на болоте лаяла, — сказал Найденыш. — но это может быть и птица, — добавил он.

— Может и птица... — согласился Иванка.

Найденыш выплюнул соломинку и нагнулся к земле. Из едва пробившейся травки он вытащил золотой фантик, покрутил его в руках, рассматривая, расправил и прочитал надпись, выведенную огромными буквами:

— «Мы самые...» Чего там стоит? А, «Мы самые заботливые!» Опять эти заботливые туристы... Смотри-ка, как зеркальце, — Марек расправил обертку и стал разглядывать свое изображение в ней. Иванка подошёл к нему и заглянул. В отражении с золотой фольги на ребят смотрели две мордофони с длинными вытянутыми носами, как баклажаны.

Но смешно почему-то не было. Неприятное липкое чувство поползло у Иванки по спине. Было что-то гадкое, отталкивающее в этой золотой обертке. Иванке даже показалось, что запахло тухлым. Марек спокойно смял бумажку в кулаке и засунул в карман.

— Потом выкину.

— Марек, я один справлюсь. В само-то болото не пойду! — сказал Иванка, накинуд рюкзак с Роськиным кормом на плечо и взял слегу.

На берёзу слетелась стайка галок. Они крутили головами и подняли невероятный гам.

— Только ты никому не говори, а я после обеда вернусь, — добавил Иванка.

Найденыш посмотрел на него своими светлыми, ничего не выражающими, кроме спокойствия, глазами, и, как обычно, ничего не сказав, обернулся и бесшумно исчез за калиткой.

Иванка, опираясь на слегу, как на посох, отправился по извилистой тропинке мимо брошенного вишневого сада, потом через поле, по наезженной дороге, к лесу. «Я — сам как Аука!» подумалось ему, и стало весело. Он растянул рот и засмеялся. Только вот уши... Иванка попытался их растопырить, потом подвигать ими вперед-назад. Получалось неплохо, но при этом двигался и нос.

Скоро он забыл про Найденыша и влился в молодую, веселую зелень леса. Иванка шлепал по черной влажной тропке между загогульками ландыша, увешанными росинками, как стеклянными бусинками. Он вслушивался в птичий гам, всматривался в шелушистые кроны ольшаника,

1. На болоте

пытаясь разглядеть там кудрявые шерстяные спинки и веселые мордочки вельесиков. Загадка! Куда они все запропастились, зимой отбою от них не было! Вельесики, ау! Но вместо задорных пересмешников за Иванкой летела только гадающая стайка черно-белых птиц.

Иванка вспомнил Дениску с цветным рюкзаком, Дашу в валенках и ушанке, и как они друг за другом шли по заснеженному лесу. Сердце его сжалось от тоски и ему захотелось закричать. Тут Иванку передернуло — он вспомнил не только ребят, но и Хворста — старого брюзжащего пенька, который чуть не утянул их тогда в подземелье...

Сзади хрустнуло. Иванка резко обернулся. На тропинке никого не было. Солнце золотило кроны, и блики желтыми пятнышками играли в догонялки, прыгая по земле и кустам.

Иванка мерным шагом прошёл через овраг, потом через перелесок и вышел на опушку. Тут начиналось Токовое болото. Выглядело оно как небольшое поле, но мокрое и безрадостное, словно его ощипали. Корявые деревца — берёзки и елочки — торчали редкими растопырками то здесь, то там. Через поле вела тропинка — ровно посередке, но она почти сразу утопала в воде. Идти по ней Иванка не решился. Он помнил, что говорил Пахомыч: болото ест все, что движется.

Он решил аккуратно обойти топь.

— Фьють, фьють, фьють! — засвистел он. — Роська! Роська!

— Чирррр! Чирррр! Чирррр! — ответили ему с земли. Прямо под ногами сидела пестрая птичка с огромным ртом, как у лягушки. Она уютно расположилась в траве, и не собиралась улетать.

— Чирррр-чирррр! — передразнил её Иванка и медленно обошёл птичку. — Лежи уж чурилка, а когда встретишь Роську, чурикай погромче!

Он перехватил слегу, как копьё, и, тыкая то в одно место, то в другое, пробуя землю на прочность, стал, прыгая, продвигаться вдоль опушки.

Под его ногами сжимался, как губка, и чавкал белесый мох — сфагнум.

— Фьють, фьють! — свистел Иванка, осматриваясь.

Утренний воздух был прозрачный, и топь хорошо проглядывалась.

— Бээ-ээ-ээ-ээ-ээ! — заблеяло вдруг громко прямо над его ухом.

Иванка от неожиданности на секунду потерял равновесие.

— Коза на болоте? — пронеслось у него в голове.

ТАЙНА ШЕРСТЯНОГО НОСКА. ЛЕТО

В этот момент Иванка почувствовал, как заваливается на бок. Не успел он опомниться, как по колено ушёл в воду, в сапог залилась тяжелая, как тесто, жутко холодная жижа.

Иванка натужно пискнул, уронил слегу и схватился за корявое деревце.

— Бээ-э-э-ээ-э-э! — безжалостно крикнули над ухом застрявшего Иванки, и что-то рядом захлопало, зачухало и зачавкало.

Иванкину ногу присосало снизу, словно огромной соской. Двинуть ногой можно было, только собрав все силы. Но хуже всего — ему было страшно, казалось, что снизу лодыжку крепко-накрепко обхватили ледяные склизкие пальцы.

Иванка замер. Что сейчас будет?

— Роська! Аука! — позвал Иванка.

— Бээ-э-э-ээ-э-э! — заорало над ухом в третий раз.

— Я пропал! — крикнул Иванка и стал звать на помощь всех подряд: — Аука!! Роська! Бисти! Приблудыш!

Но никто не отзывался. Иванка чуть не заплакал. Он обхватил корявую берёзку и проговорил вслух:

— Ну, все! Никто, даже Дениска не узнает, что меня утащил болотный козел!

— Болотных козлов не бывает! — услышал он спокойный голос. — Это маленькая птичка крылышками машет и как будто бы коза блеет. Бекас называется. Давай!

Рядом на кочке балансировал Марек. Он протянул Иванке руку. Тот схватился за нее, потянул на себя, и лёгкий Марек покачнулся.

— Меня кто-то внизу держит, мы не справимся! — в отчаянии крикнул Иванка.

— Справимся! Кто там может держать! Это жижа! — Марек встал на кочку, уперся слегу в другую, нагнулся и потащил Иванку под локоть. Тот напрягся. Через некоторое время Иванкина нога сантиметр за сантиметром стала освобождаться. Ещё секунда и... Иванка рывком вытащил ногу. Жижа громко хлюпнула, словно подавившись Иванкиным сапогом.

Но вот незадача — теперь Найдёныш не удержался и плюхнулся в болото по другую сторону кочки.

— Какая птичка? — спросил по инерции Иванка, поднимаясь. Но Найдёныш не ответил. Он упал на бок. Смертельная паника отразилась

1. На болоте

на его лице. Он закрутился и завертелся словно уж. Он барахтался, кричал что-то неразборчивое и за секунду ушел в топь по пояс!

Тут силы его иссякли.

— Стой! Держись за обе! — Иванка кинул перед ним их слегу крест на крест. Но Марек не слышал его. Он вцепился судорожно руками за траву и безнадёжно свесил голову:

— Меня кто-то держит! Мертвой хваткой! Тянет вниз! Там кто-то есть! — хныкал он.

«Нечего было орать и вертеться!» — чуть было не слетело у Иванки с языка, но он пожалел Марека и удержался от поучений — сам только что думал, что его кто-то схватил снизу.

— Держись за слегу! — громко скомандовал он. — Не паникуй и не вертись! Вообще не двигайся!

Иванка огляделся — бесполезно, они совершенно одни на болоте.

— Марек, скидывай рюкзак, давай, действуй! И попробуй, ляг на спину! Марек вяло скинул рюкзак, но добавил:

— Не трожь, у меня там... — он помолчал и проговорил: — Хотя, нет, дай мне рюкзак обратно... мне с ним поспокойнее...

Тут Иванку прострелила мысль — конечно! Он схватил рюкзак, вытряхнул на кочку содержимое — складной нож с деревянной ручкой, бутылка с водой и... старый шерстяной носок.

— Ура! Марек, ты взял его! — завопил от восторга Иванка.

Марек сильно дрожал от холода, его губы побелели, он закрыл глаза и крепко сжал руками слегу. Стараясь не дышать, он повернул медленно голову и со смертельным ужасом в глазах посмотрел на Иванку. «Свихнулся от нервного напряжения!» — стояло в его взгляде.

— Всё будет хорошо, потерпи! — продолжал радоваться Иванка. Он положил носок на свою коленку, погладил его, и встревоженно начал ему говорить, что-то вроде — Дедушка, покажись, дедушка, фигушки вам, помощи!

Марек захныкал и задрожал ещё сильнее.

Тут Иванка бережно взял носок и, едва дотянувшись до Марека, засунул его тому за пазуху. Потом уселся на кочку и, вцепившись обеими руками в куртку Марека, стал тянуть.

ТАЙНА ШЕРСТЯНОГО НОСКА. ЛЕТО

— Ты легкий, давай, не сдавайся! Упирайся в слезы! Заваливайся на спину!

Вдруг Марек почувствовал, что кто-то сильно тянет его за обе руки и он поехал из плотной жижи вверх, вверх и вбок!

— Сработало! — заорал Иванка. — Я так и знал! Спасибо, бабушка! — крикнул он в грудь Мареку.

Сапоги Марек остались в болоте, но сам Марек, живой и невредимый, вскоре сидел рядом с Иванкой на кочке.

Поиски Роски продолжать было невозможно — мокрые и с одним сапогом на двоих ребята вынуждены были возвращаться в Щер. Через пару минут они согрелись, а подойдя к Щеру, высохли, покрывшись потрескавшейся глиной, словно битой яичной скорлупой.

— Марек, спасибо, что ты пошёл за мной. Без тебя бы мне пропасть! — сказал Иванка, с признательностью глядя на Найденыша.

— Да, — ответил Марек. От его паники уже не осталось и следа. Он смотрел перед собой ровным спокойным взглядом. Иванка поразился — никаких следов переживаний! Это взбодрило и Иванку.

— Но, почему ты решил помочь мне? — спросил Иванка.

— Ты просто единственный, кто не смеялся над тем, что я под подушку кладу свой носок. Помнишь, ты подобрал его под кроватью? Я сначала думал, что ты будешь смеяться надо мной, — объяснил Марек.

— Помню, — улыбнулся Иванка. — Точно, было дело!

— Ты положил его обратно с таким видом, будто это огромная ценность, — продолжал Марек. — Никто другой бы это не сделал. А это действительно ценность — единственное, что у меня осталось от моих.

Иванка кивнул, хотел было спросить Марек про родителей, но не стал. Если расскажет сам, то хорошо, а лезть с расспросами Иванка не хотел. И просто ответил:

— Да, уж я-то знаю, какая это ценность!

— У тебя тоже есть такой? — поинтересовался Марек.

— Ну да, как бы есть... но сейчас он не со мной, — ухмыльнулся от ответа Иванка. — В этих носках может скрываться великая тайна! — шепнул он таинственно. — И в твоём она точно есть! — и посмотрел Мареку серьёзно прямо в глаза.

ТАЙНА ШЕРСТЯНОГО НОСКА. ЛЕТО

— Какая тайна? — спросил Марек.

— Тайна шерстяного носка! — заявил Иванка с важностью.

Марек невозмутимо посмотрел на него, но больше ничего не спросил. Было видно, что он ничего не понял.

— Я бы тебе рассказал, но сто процентов — ты мне не поверишь! — добавил Иванка. — Я бы тоже не поверил, если бы мне рассказали. ЭТО надо видеть! Я уверен, что ты скоро все сам узнаешь.

Марек спокойно посмотрел на Иванку, взял рюкзак, развернулся и ушёл в «дортуар».